

2. Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Кадровое обеспечение устойчивого развития муниципальных образований в первом и втором десятилетии XXI века: монография. – Белгород. 2015. С.7.

3. Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Муниципальная кадровая политика: теория, методология, технология: монография. – Белгород-Москва: Белг. Обл. типогр., 2014. С.179, 202.

4. Боженков С.А., Ильичев И.Е. О системе непрерывной подготовки управленческих кадров. Журнал Государственное и муниципальное управление: теория и практика №1. Белгород, 2011. С.49.

5. Кузьмина Н.В. Система управления кадровым потенциалом в интегрированных корпоративных структурах // исс. на соиск. уч. степени доктора экон. наук. – М., 2004.

6. Шапиро С.А. Основы управления персоналом в современных условиях организациях: уникальный подход, обеспечивающий эффективную работу компаний. – М.: Гросс Медиа, 2005.

УДК 316

РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹

Бабинцев В.П.

д. филос. н., профессор, заведующий
кафедрой социальных технологий НИУ
«БелГУ», Россия, г. Белгород

Ушамирская Г.Ф.

д. с. н., профессор, ректор Волжского
института педагогики, экономики и
права, Россия, г. Волжский

Бабинцева Е.И.

к. э. н., доцент кафедры управления
персоналом НИУ «БелГУ»,

Россия, г. Белгород

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2015/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

Аннотация. Целью статьи является анализ проблемы формирования новых идентичностей в приграничных регионах России и Украины. Статья опирается на материалы эмпирического исследования в приграничных регионах России и Украины, проведенного методом анкетного опроса (участвовали жители Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областей - в России, Харьковской, Сумской, Черниговской, Луганской – в Украине; выборка квотная многоступенчатая, квотные признаки: место жительства, пол, возраст, n = 1000). В результате анализа полученных данных обосновано, что феномен идентичности становится все более «культуроориентированным». Это позволяет анализировать его как культурно-цивилизационную идентичность, как комплекс представлений, служащих субъекту основанием для отождествления себя с конкретной системой ценностей и отказа от связи с иными системами. В приграничных регионах России доминирует легитимирующая, по своему типу, «идентичность фронта», ориентированная на прошлое и замыкающаяся на символическую фигуру лидера. В приграничных регионах Украины утверждаются локальные идентичности протестного типа. Содержание их зависит от ситуации в территориальном сообществе. Доминирующие, как в среде российского, так и украинского населения, идентификационные представления существенно деконструируют традиционную модель хронотопа, делают ее поливариантной и внутренне противоречивой.

Ключевые слова: приграничный регион, идентичность, хронотоп, фронт, политико-культурная делимитация

RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER-ZONE AS SPACE OF FORMATION NEW IDENTITY

Summary. The purpose of this article is the analysis of a problem of formation new identity in border regions of Russia and Ukraine. Article leans on materials of empirical research in border regions of Russia and Ukraine, conducted by method of

the questionnaire (residents of the Belgorod, Bryansk, Voronezh, Kursk areas - participated in Russia, Kharkiv, Sumy, Chernihiv, Luhansk – in Ukraine; selection is quote multistage, quote signs: residence, sex, age, n = 1000). As a result of the analysis of the obtained data it is proved that the phenomenon of identity becomes more and more «culture focused». It allows to analyze it as cultural and civilization identity as a complex of the representations which serve the subject the basis for an identification of with concrete system of values and refusal of communication with other systems. In border regions of Russia dominates legitimating «identity of a frontier» focused on the past and which is becoming isolated on a symbolical figure of the leader. In border regions of Ukraine are approved local identity of protest type. Their contents depend on a situation in territorial community. Dominating as among the Russian, and Ukrainian population, identification representations significantly deconstruct traditional model of a chronotope, make it multivariant and internally inconsistent.

Keywords: border region, identity, chronotope, frontier, political and cultural delimitation.

1. Введение. В глобализирующемся мире пространствами наиболее интенсивных социальных взаимодействий становятся зоны геополитических разломов, в чисто формальном отношении возникающие в процессе установления новых границ не только между государствами, этносами, но и внутри них. При этом довольно часто границы не получают нормативного закрепления и существуют как следствие конвенции между взаимодействующими субъектами. При этом применительно к зонам геополитического разлома (например, в Сирии, Ливии, Йемене, а в Европе – в Молдове и российско-украинском приграничье) меняется само содержание феномена границы, который все более приобретает характер «культурно-цивилизационного демаркатора» - сформировавшегося в представлениях прямых и косвенных участников взаимодействия рубежа, по обе стороны которого находятся люди, разделяющие не совпадающие, а часто

противоположные ценности и смыслы, придерживающиеся различных норм поведения, различающиеся образом и стилем жизни.

Тем самым в зонах геополитического разлома запускается процесс политико-культурной делимитации, представляющий собой определение и разграничение статусов сопредельных геополитических образований, в ходе которых формируются и распространяются среди населения устойчивые представления о специфичности их политических и культурных систем, их отличии от систем, существующих или складывающихся «по ту сторону границы». «Если следствием делимитации, как юридически оформленного действия, является определение линии границы, то результатом политико-культурной делимитации выступают действия и феномены преимущественно символического характера» [1, с. 46].

Политико-культурная делимитация обычно инициируется внутренними или внешними элитами (иногда совместно), но в любом случае она может стать успешной только при наличии в элитарном и массовом сознании предпосылок для утверждения новых статусов, готовности к усвоению адекватных им ценностей, смыслов и символов. Как правило, она сопровождается изменением вектора идентификации большинства населения и, следовательно, модификацией содержания идентичности, а в ряде случаев и ее типа.

Под идентификацией в данном случае мы понимаем процесс формирования идентичности субъекта посредством соотнесения и отождествления с социальными образцами, группами, ролями, типами, признаками, качествами и свойствами. В свою очередь, идентичность – это комплекс присущих человеку или группе представлений, позволяющих им отождествить себя с конкретными объектами коммуникации, либо продемонстрировать отсутствие с ними общих признаков, вне зависимости от природы объектов взаимодействия. В качестве последних могут выступать как различные явления социального характера, так и природные объекты. В первом случае речь идет о социальной идентичности, которая всегда двойственна по своим векторам, выступающим как векторы социальной конъюнкции и

социальной дизъюнкции. Л.Г. Сокурская подчеркивает: «Можно сказать, что результат идентификации (идентичность) – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других» [14, с. 618].

Довольно естественно, что проблема идентичности обостряется в нестабильной социальной среде в зонах геополитических разломов. «Стремление индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом возникает при разрушении традиционного уклада, где потребность самоопределения в системе социальных взаимосвязей не актуализирована, - пишет В. А. Ядов. - Групповой (социальный) статус индивида задан здесь жесткими критериями его принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями. Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей, так или иначе, вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает «своими», а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений [19].

При этом в последнее время основания для определения союзников и противников люди находят в явлениях духовного порядка, таких как культура, религия, традиция, этническое сознание. Идентичность становится все более «культуроориентированной», что позволяет рассматривать и определять как культурно-цивилизационную идентичность.

Культурно-цивилизационная идентичность – это комплекс представлений, воспринимаемых сознанием субъекта как основание для отождествления себя с конкретной системой ценностей при одновременном отказе от связи с иными системами. И чем отчетливее прослеживаются действительные или мнимые различия между ними, тем увереннее они рассматриваются в качестве достаточного повода, чтобы на практике не включаться в состав носителей иных ценностно-смысловых комплексов.

В научной литературе проблема идентичности исследована достаточно глубоко и всесторонне. В данной связи, безусловно, следует отметить ставшие классическими работы Э. Гидденса, посвященные феномену самоидентичности [25]; Э. Эриксона – кризисам идентичности [19]; Г. Тэджфела [26]. Проблема идентичности рассмотрена в сравнительно недавних публикациях отечественных авторов К.М. Гайдар [3], Д.С. Котельникова [7], О.А. Симоновой [13], В.А. Ядова [20, 22, 23]. Тема эта рассмотрена настолько подробно и всесторонне, что некоторые исследователи могут с полным основанием утверждать, что в классическом виде проблема идентичности в социально-гуманитарном знании либо исчерпала себя, либо близка к исчерпанию [10, 15].

2. Методика исследования. Изучая идентичность, специалисты выделяют ее различные типы. Для анализа ситуации в российско-украинском приграничье нам представляется весьма перспективной типология, предложенная М. Кастельсом, различающим «легитимирующую идентичность», «идентичность сопротивления», «проектную идентичность» [24].

В рассматриваемом контексте «легитимирующая идентичность» может трактоваться как традиционная идентичность, сформированная развитием общества до начала геополитического разлома. «Идентичность сопротивления» - идентичность, складывающаяся как результат делимитации и обращения к ценностям локальных общностей. Особую роль в данной связи приобретает «проектная идентичность», поскольку это идентичность целенаправленно создаваемая, управляемая, потенциально способная в результате субъектов управления (проектантов) стать либо «легитимирующей», либо «протестной».

Если любую зону геополитического разлома анализировать в контексте проблематики культурно-цивилизационной идентичности, то она будет выглядеть как сложная комбинация всех трех типов, находящихся в точке бифуркации, в которой допустимо развитие по альтернативным сценариям. И эти сценарии целесообразно прогнозировать, исследуя возможные следствия каждого. Такой прогноз особенно важен потому, что процесс эволюции идентичностей в зонах геополитических разломов затрагивает предельно

широкий круг проблем. Изменение векторов идентификации и ее объектов меняют доминирующий в сознании населения хронотоп, то есть комплекс представлений о социальном пространстве, как о коммуникативной среде, в пределах которой реализуются индивидуальные и групповые жизненные стратегии, поощряется, либо табуируется обмен ценностями и артефактами, и о социальном времени, представляющем собой изменения социального пространства в его динамике, ритмах, циклах, последовательностях состояний. Эти представления фиксируются сознанием, памятью и измеряются на базе выбранных эталонов, качестве которых и выступают объекты идентификации.

В сущности, хронотоп – культурная модель, сознательно или бессознательно конструируемая человеческим сознанием, в пределах которой субъекты одновременно идентифицируют себя с актуальным окружением, предками и носителями эталонного будущего. Поскольку в данной модели локализация субъекта увязывается с прошлым, настоящим и будущим, она не только формирует системное видение мира и человека в нем, но и создает комплекс явных и неявных стимулов к действию. Каждый из стимулов может быть мало значим, но в рамках общего хронотопа его вес способен многократно усиливаться. Так, например, православное вероисповедание может иметь для конкретного человека, проживающего в современной России, второстепенное мотивирующее к действиям значение. Но, когда оно воспринимается в контексте мифологем тысячелетней христианской истории России, современной роли церкви как института, обеспечивающего безопасность общества в пределах конкретной территории, и – тем более – ее будущей роли «Третьего Рима», этот фактор способен подтолкнуть человека к общественно значимым действиям.

Следовательно, анализ проблемы идентичности в зонах геополитических разломов затрагивает предельно широкий круг явлений и процессов самоопределения человека, его локализации в пространственно-временном континууме.

Указанные обстоятельства определили концепцию исследования проблем формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных

регионах России и Украины, проведенного методом анкетного опроса (участвовали жители Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областей - в России, Харьковской, Сумской, Черниговской, Луганской – в Украине; выборка квотная многоступенчатая, квотные признаки: место жительства, пол, возраст, $n = 1000$). Цель исследования заключалась в анализе тенденций, определяющих процесс эволюции культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных российско-украинских регионах в условиях, определяющихся становлением украинской государственности, осложнением межгосударственных отношений, особенно усилившимся после так называемого «Евромайдана», присоединения к России Крыма, вооруженного конфликта между центральным украинским правительством и его сторонниками, с одной стороны, и основной массой населения Донецкой и Луганской областей, новые руководители которой пытаются отстаивать свою самостоятельность. Формулируя данную цель в интересах получения максимально объективных данных, мы постарались, насколько это возможно, очистить ее от политических оценок, что нашло свое отражение в инструментарии. Потребовались две не вполне совпадающие по структуре анкеты, учитывающие специфику восприятия ситуации в украинской и российской среде.

Анкеты для массового опроса содержала в себе 40 (Россия) и 34 (Украина) вопроса (с паспортной) закрытого типа, разбитых по тематическим блокам: микросоциальный и макросоциальный детерминант формирования культурно-цивилизационной идентичности; специфические черты культурно-цивилизационных идентичностей жителей приграничных регионов России и Украины, включающие в себя: черты национального характера, ценности и символы, идеологические системы и политические ориентации.

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью программного обеспечения: «ДА-система» (версия 5.0). В процессе интерпретации данных использовался компаративный анализ, метод ранжирования, а также анализ прямого и перекрестного распределений данных.

Следует отметить, что проведение опроса в украинских областях представляло собой значительные сложности в силу специфики социально-политической ситуации в Украине, в которой, во-первых, исследования российских ученых зачастую воспринимаются властями (но не большинством населения) как провокационные действия; во-вторых, в такой обстановке, как правило, трудно рассчитывать на откровенность респондентов. Следовательно, при анализе результатов нам пришлось обратить особое внимание на их интерпретацию с учетом специфики ситуации опроса.

3. Специфика исследовательского проекта. При планировании и проведении опроса учитывались два обстоятельства. Первое было связано с тем, что нам не известны социологические исследования, проведенные в период, когда Россия и Украина находились в составе единого советского государства, посвященные сравнению идентичностей населения приграничных регионов этих советских республик. Поэтому относительно исходного состояния идентичностей можно судить только предположительно, опираясь на наблюдения, сделанные в процессе собственного жизненного опыта и своего рода «социологических следов», выявленных при проведении настоящего исследования. Наши предположения на сей счет сводились к нескольким позициям:

- идентичности украинского и российского населения не были однородными, поскольку в этническом отношении оно было смешанным. В частности, в районах Белгородской области нередко соседствовали села, определяемые на бытовом уровне как «москальские» (с преимущественно этнически русским населением) и «хохляцкие» (с преимущественно этнически украинским населением). При этом надо учитывать, что эти определения не заключали в себе идеологически фундированной взаимной неприязни и в повседневном общении служили своего рода маркерами различий в образе жизни и образе мыслей;

- несмотря на разнородность, некоторые общие константы в идентичностях населения российских, с одной стороны, и украинских, с другой, очевидно,

прослеживались. Определялись они преимущественно особенностями этнокультурной истории, в которой выделялись специфические знаковые события и символы;

- в идентичностях было больше общего, чем особенного, тем более, что усилия власти чаще всего были направлены на достижение идентификационного консенсуса. Правда, эта политика имела и свои исключения. Так, например, был относительно короткий период украинизации в российских областях. В.В. Бубликов и В.В. Маркова, в частности, пишут: «Суть украинизации в Воронежской и Курской губерниях (а, с 1928 по 1934 гг., в Центрально-Чернозёмной области) заключалась в широком комплексе действий по внедрению украинского языка, в районах с преобладающим украинским населением, в официальное делопроизводство, созданию украиноязычных учебных заведений (причём не только средних и средне-специальных, но и высших), прессы, формированию украинской «советской» интеллигенции» [2, с. 54]. Однако они отмечают, что почти одновременно осуществлялась и «деукраинизация», в результате которой численность украинского населения в 20-е – 30-е годы XX века в Белгородской области с почти половины сократилась до 1/10. Авторы подчеркивают: «Основной причиной «деукраинизации» белгородского края в раннесоветский период стала не «политическая» ассимиляция, побуждавшая украинцев «записываться» русскими «на всякий случай», а тяжелейший удар, нанесённый советской властью по крестьянству, выразившийся сначала в продразверстках, а позже в раскулачивании, создании колхозов и, наконец, страшном голоде 1932-33 гг., получившем в украинской историографии название Голодомор» [2, с. 54 - 55].

Второе учитываемое нами обстоятельство состояло в том, что изменение идентичностей населения приграничных регионов, по меньшей мере, в последние два десятилетия наиболее интенсивно происходило в украинском приграничье. В первую очередь, это было связано, как уже отмечалось выше, с формированием новой украинской государственности. Генезис собственной государственности объективно востребует пересмотр традиционных эталонов

идентичности, изменения сложившегося хронотопа, что выражается как в ревизии истории, так и разработке инновационных проектов будущего. Фактически, украинской элите пришлось в короткие сроки создавать свой оригинальный хронотоп. Поскольку сроки для этого были явно нереальными, результаты, по меньшей мере, в настоящий момент оказываются весьма проблематичными. Кроме того, украинской элите, а вслед за ней и большей части населения потребовалось определиться в отношении соседней России, оппонировать которой в социокультурном плане казалось весьма выгодно в условиях дефицита собственных продуктивных (к их числу не относятся спекулятивные теории относительно великого прошлого, настоящего и будущего так называемых «укров») идей.

В России первый фактор, практически, не действовал. Российская государственность изначально мыслилась как государственность, опирающаяся на многовековую историю, с которой и отождествляет себя большая часть населения страны. Противоречия возникают в основном в отношении советского периода, но, очевидно, они не рассматриваются большинством населения в качестве основания для ревизии хронотопа в целом и создания принципиально новой идентификационной модели. Второй фактор имеет определенное значение для российского приграничья. Специфика его проявления заключается в том, что значительная часть жителей приграничных областей, связанная с населением украинских регионов не только деловыми отношениями и культурной традицией, но и родственными связями ощутила, что поведение соседей неадекватно ожиданиям. Данное обстоятельство породило разочарование, которое, к сожалению, не было отрефлексовано, но послужило базисом для корректировки как собирательного имиджа, так и в некоторых случаях образа конкретных контрагентов. По нашему мнению, исключительно наглядно в художественной форме выразил суть доминирующего в России (и в ее приграничных регионах) И. Бродский в стихотворении «На независимость Украины».

Но факт украинской независимости с течением времени, скорее всего, ерестал бы восприниматься жителями приграничных российских регионов как культурная травма¹, если бы не события, обычно определяемые как «Евромайдан». Судя по полученным нами в ходе исследования данным, он приобрел для многих из них характер не просто политического события, но, своего рода, культурной травмы. Не случайно среди наиболее характерных символов украинской культуры российские респонденты наряду с Т. Шевченко (26.2%), салом (22.0%), украинским фольклором и Киево-Печерской Лаврой (по 20.6%) россиянами был упомянут именно «Майдан» (17.2%). Кстати, среди украинцев его упомянули только 4.4% респондентов. Вероятно, отражением негативной рефлексии событий, связанных с «Евромайданом», является и то, что наиболее типичным негативным качеством украинцев российские респонденты назвали агрессивность – 34.2%.

Таким образом, рассматривая процесс формирования культурно-цивилизационной идентичности в приграничных регионах России и Украины, мы видим его в значительной степени асинхронным и – с течением времени – все более разновекторным. При этом ситуацию не следует интерпретировать в виде упрощенной схемы, в соответствии с которой, украинское население приграничья (за исключением самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик) под влиянием центральных властей постепенно дрейфует в сторону от русских и рвет с ними традиционные связи, а российские граждане, поощряемые федеральной властью, стараются воспрепятствовать этому процессу. Реальность может быть определена, скорее, как «идентификационный калейдоскоп», предполагающий возникновение и постоянное изменение

¹ Употребляя данное понятие, мы опираемся на концепцию П. Штомпка, который характеризует культурную травму следующим образом: «Вследствие стремительного, радикального социального изменения «двойственность культуры» (имеются в виду когнитивные и нормативные компоненты культуры – В.Б.) проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [18, с. 11].

различных моделей идентичности. Ни одна из них не является устойчивой в течение длительного времени.

Возможные идентификационные модели в российско-украинском приграничье. Допустимо, на наш взгляд, выделить несколько возможных (и в той или иной мере реализуемых) в российско-украинском приграничье идентификационных моделей¹:

- традиционная советская, сохраняющаяся в основном у части граждан старшего возраста и характеризующаяся высокой степенью ценностно-смыслового единства украинцев и россиян. Для этой модели типично восприятие человеком себя как члена единой, по сути, имперской общности, отождествляемой с государством, продолжающей существовать в его сознании, несмотря на новые границы. Понятие «советский человек» в данном контексте сохраняет свою актуальность, детерминируя поведение личности и формирует специфическую «этнокультурную гордость»;

- современная национально-государственная, основанная на отождествлении человека или группы с Россией или Украиной как самостоятельными государствами-нациям, связанная с поиском в настоящем специфических культурных эталонов, способных консолидировать общество. В абсолютном большинстве случаев она реализуется в зависимости от постоянного проживания и наличия гражданства: однако возможны и исключения, когда люди, имеющие гражданство одной страны и постоянно проживающие на ее территории, идентифицируют себя с ценностями другой. Последнее обстоятельство довольно типично для мигрантов. Но оно может иметь место и в сознании групп, относящихся к коренному населению;

- ретро-культурная, ориентированная на, чаще всего мифологизированное и отформатированное под задачи сегодняшнего дня прошлое; в этом случае объектом идентификации становятся ценности и смыслы, сформулированные

¹ По моделию в данном случае мы понимаем устойчивый образ-представление человека о самом себе и референтах, опирающийся конкретный ценностно-смысловой комплекс.

как квинтэссенция принятой исторической концепции, либо как результат интерпретации значимого для субъекта конкретного исторического периода;

- этнокультурная, в основе которой лежит идентификация с культурными образцами, носителями которых является этнос или субэтнос, локализованный в рамках геополитического пространства (например, так называемые «галицийцы» или русины в Украине, представители этнических диаспор в России или крымские татары);

- локальная, выражающаяся в отождествлении себя с комплексом ценностей и смыслов, декларированных населением конкретной территории, либо представляющей его элитой, что наиболее характерно для Новороссии;

- «номадическая», представленная ориентацией на так называемые глобальные процессы и предполагающая отождествление актора с ценностями западной (преимущественно воспринимаемой как европейская) цивилизации. В этом случае субъект идентификации обычно апеллирует к так называемым демократическим ценностям.

Возможны и другие идентификационные модели, а также их переходные варианты, что дополнительно усложняет ситуацию и создает значительные трудности для ее анализа. Эти трудности связаны еще и с тем, что нередко имеют место различия между реальной и демонстрационной моделями идентификации. Демонстрационная модель возникает тогда, когда человек опасается санкций в связи с попыткой открыто высказать свои убеждения, в том числе, участвуя в социологическом исследовании, которое нередко воспринимается отдельными гражданами как своего рода проверка на лояльность.

Представляет интерес вопрос о том, как соотносятся эти модели с типами идентичности, по М. Кастельсу. Мы полагаем, что любая из моделей, в зависимости от исторического социального контексте, может быть отнесена к любому из типов. Так, например, попытка целенаправленно выстроить нацию-государство по лекалам истории, делает ретро-культурную модель моделью проектного типа; но если данная модель сохраняется в силу инерции, она становится легитимирующей.

Противоречия и парадоксы идентификационных процессов в российском украинском приграничье. Сложная геополитическая ситуация в российско-украинском приграничье, сочетающаяся с традиционной поликультурностью и активным вмешательством в общественные процессы внешних сил придает идентификационному процессу крайне противоречивый характер.

В частности, проведенное нами исследование выявило асимметричность структуры российско-украинских кровнородственных социальных сетей. Согласно полученным данным у 72.8% украинских респондентов есть родственники в России, в то время как доля россиян, имеющих таковых в Украине, почти в два раза меньше - 39.8%. Это противоречие нельзя объяснить якобы имеющей место разницей в численности жителей украинских и российских приграничных регионов. Напротив, генеральная совокупность населения украинского приграничья почти на два миллиона выше, чем российского. Выявленная асимметрия имеет, скорее всего, социально-психологические причины. Они связаны с тем, что вследствие отмеченного выше разочарования в ожиданиях относительно желаемого поведения соседей-украинцев российские граждане стали все чаще «забывать» о своих родственниках по ту сторону границы. Напротив, многие жители украинского приграничья склонны сохранять старые связи. Возможно, расценивая их как своеобразную гарантию в случае неблагоприятного развития ситуации в своей стране.

Показательно в данной связи то, что жители приграничных регионов Украины активнее поддерживают отношения со своими российскими родственниками (82.4%), чем россияне с украинскими (67.8%). Отметим: 60.8% россиян затруднились ответить на вопрос о том, находят ли они в настоящее время взаимопонимание со своими украинскими родственниками, а аналогичных ответов среди украинских респондентов почти в два раза меньше (33.0%).

На основании полученных данных можно предположить, что вектор идентификации жителей российского приграничья предполагает заметно выраженный характер дистанцирования от украинских референтов. Для них становится все более важной осторожность и некоторая отстраненность от соседей «по ту сторону границы», истоки которой, очевидно, коренятся в отмеченном выше разочаровании от ожиданий. В то же время украинские граждане (разумеется, включая Донецкую и Луганскую республику) сильнее ориентированы на социальную конъюнкцию, представляющую собой «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества. Обратным феноменом является социальная дизъюнкция как процесс разъединения, угрожающий самой жизни общества - его социальному воспроизводству» [6, с. 11]. Допустимо утверждать: культурно-цивилизационная идентичность значительной части россиян в приграничном с Украиной пространстве принимает форму своеобразного «идентичности фронта». Этим понятием мы определяем характерный для человека или группы комплекс представлений, в которых «свои» ценности и символы воспринимаются преимущественно как потенциально уязвимые, требующие системной мобилизации защитных ресурсов, а референты рассматриваются как носители опасностей и угроз. «Идентичность фронта» может быть отнесена к любому из трех типов в зависимости от ситуации, в которой формируется. В нашем случае она является легитимирующей идентичностью, поскольку закрепляет традиционно сформировавшиеся у людей представления, не предлагая обществу новых ценностей и инновационных проектов. Точно также она может формироваться в контексте различных идентификационных моделей, в зависимости от определяющих ее ценностей и смыслов. В нашем случае «идентичность фронта» в российском приграничье воспроизводит национально-государственную модель со значительными ретро-элементами.

Естественным следствием «фронтирного» мировосприятия является установка на консолидацию вокруг ценностей и символов, обеспечивающих однозначную легитимирующую идентификацию в неустойчивой социальной среде.

Мы обращали внимание на то, что разочарование значительной части жителей приграничных регионов поведением соседей-украинцев осталось не отрефлексированным, то есть не послужило основанием для критического анализа собственных ценностно-смысловых установок, хотя, возможно, такая рефлексия позволила бы с большим пониманием отнестись к происходящему. Тем более, что до настоящего времени в сознании большей части жителей как украинского, так и российского приграничья преобладает позитивное представление об общем прошлом. 40.6% опрошенных жителей приграничных регионов Украины считают, что большую часть истории российско-украинских взаимоотношений между определяли дружба и взаимопонимание, еще 27.0% - добровольное сотрудничество. Среди российских респондентов эти показатели составили соответственно 42.4% и 11.6%.

Сравнительно низкое значение последнего индикатора, на наш взгляд, дополнительно подчеркивает эволюцию идентификационной модели россиян в направлении «идентичности фронта».

Абсолютное большинство жителей приграничных регионов России соотносят себя с представителями российской культуры (70.8%), что отражает высокий уровень консенсуса в самоидентификации российских граждан, являющийся характерной чертой «идентичности фронта». Незначительная доля опрошенных (8.8%) относят себя к представителям европейской культуры, 9.2% - к мировой; 2.6% - к евразийской.

Ситуация в приграничных регионах Украины выглядит принципиально иной. Здесь около четверти опрошенных (24.2%) указали, что относят себя к мировой культуре, 18.6% - к европейской, только 15.8% - к украинской, немногим меньше – к русской (11.8%) и евразийской (11.2%). При этом 45.6% респондентов отметили: в этническом отношении они считают себя русскими;

13.0% - украинцами. Для остальных участников опроса этническая самоидентификация не является значимой; 15.8% считают себя жителями своего города или района; 12.0% - региона; 6.0% - гражданами мира; 3.4% - европейцами (остальные затруднились ответить).

Полученное распределение дает основание считать, что в настоящее время в приграничных регионах Украины утверждаются локальце идентичности протестного типа. Содержание их зависит от ситуации в территориальном сообществе. И - что парадоксально - в тех случаях, когда локализация осуществляется как попытка возврата хотя бы к некоторым традициям российско-украинского общего прошлого (Донецк и Луганск), она вполне может рассматриваться как превращенная форма легитимирующего типа. В тех случаях, когда ориентация направлена на иные традиции, она выступает как протестная в его аутентичном виде.

Парадоксальным, на первый взгляд, является то, что в российском приграничье большинство граждан считают себя россиянами (43.2%); русскими – только 29.4%. 4.6% убеждены, что, они, прежде всего – жители региона; 7.0% - города или района; 6.2% - граждане мира; 2.8% - европейцы (6.2% затруднились с самоидентификацией). Однако такое распределение ответов вполне укладывается в предложенную выше схему трех типов идентичности. Соотнесение относительным большинством граждан себя не с национальностью (а приграничные российские регионы, практически, моноэтничны; по меньшей мере, в ходе опроса 94.6% респондентов заявили – они русские) означает лишь то, что государственные ценности (независимо от того, реальны они или иллюзорны) приоритетны для граждан. Именно они, а не этнические признаки, воспринимаются как основания для консолидации и одновременно как феномены, требующие сохранения и защиты. Ценности локальных образований различного уровня значимы крайне мало.

Рассматривая себя, прежде всего, как носителей государственного начала, жители приграничных регионов России демонстрируют высокий уровень гордости за свою страну (76.6%), что вполне естественно, так как «идентичность

фронтيرا» должна поддерживаться идеологически и символически. Однако структура предметов гордости россиян весьма примечательна. 50.4% говорят в данной связи о Победе в Великой Отечественной войне, 46.8% – об историческом наследии. 12.4% гордятся высоким уровнем культуры; 20.6% - научно-техническими достижениями; 20.4% - морально-нравственными качествами жителей; 20.4% - знаменитыми людьми. Вариант ответа «предметов гордости не вижу» выбрали лишь 5,4% опрошенных, а 17.0% затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, основными предметами гордости являются феномены, связанные с прошлым, в частности, с советским прошлым. Но при всей значимости традиционных ценностей и даже их сакральности следует представлять: мы наблюдаем проявление традиционной идентичности легитимирующего характера, которая не предлагает нового проекта, привлекательного для соседей-украинцев.

Однако идентичность, опирающаяся исключительно на прошлое недостаточно продуктивна в нестабильной социальной среде. Задачи самоопределения и конкуренции требуют более современных и конкретных «привязок». Для россиян – это, в первую очередь, фигура политического руководителя- лидера, которая в их сознании трансформируется в социокультурный феномен, выходя за рамки традиционного политико-управленческого пространства. Показательно в данной связи, что среди символов, которые наиболее точно отражают сущность российской культуры, 30.0% указали: «В.В. Путин». Среди других относительно значимых символов оказались: матрешка (20.8%) и Красная площадь (17.6%). Такие национальные государственные символы в прошлом и настоящем как флаг, гимн, серп и молот выбрали в среднем по 8% опрошенных. Минимальны доли отметивших те или иные социально-психологические характеристики национального характера, а также такие исконно русские символы как балалайка, гармонь, самовар и пр. Это дает основание утверждать, что, несмотря на довольно активную работу средств массовой информации по пропаганде «досоветских» российских ценностей, для

абсолютного большинства жителей приграничья они остаются чуждыми, и не определяют идентификацию. При этом Президент России – единственный социальный институт, которому доверяет существенная часть (39.4%) населения российского приграничья (отметим: вторым по уровню доверия институтом остается церковь, набирающая только 10.6%).

В украинских регионах гордость за свою страну испытывают 63.8% респондентов. В структурном отношении предметы гордости здесь в целом аналогичны российским. Правда, показатели сторонников наиболее приоритетных среди них заметно ниже. Доля гордящихся победой в Великой Отечественной войне, составляет 33.8%, историческим наследием – 28.4%. 11.6% гордятся высоким уровнем культуры; 9.0% - научно-техническими достижениями; 18.6% - морально-нравственными качествами жителей; 7.6% - знаменитыми людьми. Но 24.8% предметов гордости не видят, 1.4% - затруднились с ответом.

Акцент на историческом прошлом вполне объясним инерционным влиянием культурной. Так А.Н. Михайленко отмечает, что значительная часть населения приграничных районов России и Украины сохранила «советскую» идентичность, отождествляет себя не с новыми независимыми государствами, а с гражданами бывшего СССР [11].

4. Приграничные идентичности: возможно ли сближение?

Полученные данные позволяют утверждать, что в сознании сравнительного большинства украинцев «протестная» идентичность парадоксальным образом сочетается с традиционной. И в этом случае она в какой-то мере сближается и идентичностью, преобладающей среди россиян.

Однако близость между ними не следует переоценивать. Действительно, по ряду параметров представления жителей российского и украинского приграничья остаются довольно близкими. В частности, это относится к представлению о роли государства. Так абсолютное большинство опрошенных в равных долях (56.2% в России и 56.6% в Украине) считают, что «государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный

уровень жизни», характеризующий ярко выраженный социалистический выбор в политическом самоопределении, этатизм с приматом подданнической политической культуры.

Значимая часть опрошенных (24.6% россиян и 26.2% украинцев) свой политический выбор связывают с демократической политической культурой, предполагающей в качестве своей основы правовое государство. Об этом свидетельствует выбранный ими вариант ответа: «Государство должно устанавливать единые «правила игры» и следить, чтобы они не нарушались». Соответственно 13.4% и 13.2% населения придерживаются либеральной позиции, для которой характерно минимальное вмешательство государства в жизнь граждан, в том числе и в их экономическую деятельность.

Однако по ряду позиций представления российских и украинских граждан заметно расходятся. Так, выбирая между политическими и личными правами и свободами и материальным благополучием, и российские, и украинские респонденты предпочитают материальное благополучие. Но доля ответов украинских респондентов, сообщающих о приоритете материального благополучия, составляет 46.8% против 39.6% россиян.

Ценность политических прав и свобод выходит у населения приграничных регионов Украины на передний план (35.4%) в значительно большей мере, чем у россиян. Среди россиян значимость политических прав и свобод отметили только 28.6% респондентов. О том, что важно и то, и другое в равной степени, сообщили в среднем по 9 % респондентов.

Расходятся жители приграничных регионов и в оценке роли идеологии. Жители украинского приграничья несколько чаще убеждены в том, что единая идеология обществу не нужна (28.4% против 20% россиян).

Таким образом, можно утверждать, что идентичность жителей приграничных регионов Украины в большей степени, чем россиян, ориентирована на либеральные ценности, что дополнительно подчеркивает ее протестный характер. В то же время среди украинского населения остается довольно сильно выраженным желание к сохранению единства. Возможно,

причина этого не только в инерционном влиянии прошлого и стремлении сохранить родственные связи, но и в том, что приграничье не принимает в полной мере стратегию нынешних киевских властей. Россияне на сохранение единства нацелены в гораздо меньшей степени. И показательно, что среди российских респондентов на вопрос о том, какими бы они хотели видеть Россию и Украину в будущем, наиболее популярным является вариант ответа «независимыми нейтральными государствами»; его выбрали 37% опрошенных. Среди украинцев аналогично ответили 31.6% участников опроса, более популярным здесь оказался ответ «единым государством», набравший 35.6% голосов. Доля же россиян, желающих видеть в будущем Россию и Украину единым государством, составляет всего 16.8%.

5. Заключение.

Таким образом, идентификационные процессы в приграничных регионах России и Украины, по меньшей мере, не стимулируют восстановление прежнего высокого уровня гомогенности социального пространства. Они, скорее, разъединяют, чем соединяют близкое по своим культурным характеристикам население.

Доминирующие, как в среде российского, так и украинского населения, идентификационные представления, судя по всему, существенно деконструируют традиционную модель хронотопа. Во-первых, если прежде, в течение многих лет совместного общежития, она, фактически была единой и включала в себя в отношении прошлого – представление об общих корнях (Киевская Русь); в отношении настоящего – о братском союзе, инициированном еще Богданом Хмельницким; в отношении будущего – о процветании в единой евразийской семье, то сегодня таких моделей несколько. Во-вторых, все из них в той или иной мере опираются на ревизию одного или нескольких компонентов хронотопа, в результате чего усиливается хаотизация социального пространства. В этих условиях крайне трудно сделать верный прогноз относительно перспектив идентификационных изменений. Проведенное исследование дает лишь основания предполагать, что ближайшее время они будут иметь

преимущественно разновекторную направленность по обе стороны границы. И, вероятно, в российском секторе приграничья в значительно большей степени, чем в украинском.

Список литературы:

1. Бабинцев, В.П., Реутов, Е.В., Сапрыка, В.А. (2015). Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества. Регионоведение, 1.

2. Бубликов, В.В., Маркова, В.В. (2014). Формирование этнического состава населения Белгородской области (часть первая: XIX век – середина XX столетия). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право, 3 (173).

3. Гайдар, К.М. (2011). Развитие идентичности студенческой группы как ее субъектный потенциал и как психологический ресурс подготовки специалистов к профессиональной деятельности. Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования», 1.

4. Гришина, Е. А. (1999). Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М. : Социум.

5. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей. М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2011.

6. Кармадонов, О.А. (2015). Солидарность, интеграция, конъюнкция. СОЦИС, 2.

7. Котельников, Д. С. (2009). Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного федерального округа. Диссертация. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д.

8. Крылов, М. П. (2005). Региональная идентичность в историческом ядре европейской России. СОЦИС, 3.

9. Кескова И.В. (2009). Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества. Автореферат диссертации ... доктора. соц. наук. М..

10. Митрошенков, О.А. (2016). Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям (социально-философский анализ). Власть, 2.
11. Михайленко, А.Н. (2015), Три теоретических подхода к изучению российско-украинского приграничья. [Online] Available: <http://kazakinfo.ru/index.php/component/content/article/11-stati/33-tri-teoreticheskikh-podkhoda-k-izucheniyu-rossijsko-ukrainskogo-prigranichya/> (May 11, 2016)
12. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализ, 2003. Наука.
13. Симонова, О.А. (2008). К формированию социологии идентичности. Социологический журнал, 3.
14. Сокурская, Л.Г. (2009). Трансформация пространства идентичностей студенческой молодежи: теоретический и эмпирический анализ. Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства.
15. Глостанова, М.В. (2010). В порядке полемики // Вопросы социальной идентичности: научный альманах. Т. IV. Человек в поисках идентичности (с. 452 – 453). М.: Издание Независимого института гражданского общества.
16. Хесле, В. (1995). Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. Вопросы философии, 11.
17. Ходаковская, О.В. (2006). Социальная и личностная идентичность в юности. Диссертация ... канд. псих. наук. 19.00.05. СПб.
18. Штомпка, П. (2001). Социальное изменение как травма // СОЦИС, 1.
19. Эрикссон, Э. (1996). Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс.
20. Ядов, В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе. [Online] Available: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189481.html?page=28> (May 11, 2016).
21. Ядов, В.А. (1993). Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности (Программа проекта). Социальная идентификация личности (с. 7 – 23). М.: ИС РосАН.

22. Ядов, В.А. (1994). Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен. Социальная идентификация личности -2 (с. 264 – 287). М.: ИС РосАН.

23. Ядов, В.А. (1995). Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. Мир России.

24. Castels, M. (1997). The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers.

25. Giddens, A. (1991). Modernity and Self identify: Self and society in late modern age. Stanford: Stanford University Press.

26. Tajfel, H. (1978). Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations. London; New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press.

УДК 77

ЛОМБРОЗИАНСТВО И МЭЙНСТРИМ-КИНЕМАТОГРАФ

Босов Д.В.
аспирант кафедры социальной
работы НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Антинаучность как принцип мейнстрим-кинематографа достигает целей в формировании массового человека. Дискредитация науки есть дискредитация не просто научного знания, конечно, обладающего своими недостатками, как и любое знание. Это дискредитация самих основ организации логического мышления, обладающего взаимосвязанностью логических шагов, системностью, аргументацией излагаемых позиций. Мейнстрим-кинематограф выставляет науку в роли злого гения человечества, обвиняя ее во всех бедах экологического, милитаристского, антигуманного характеров.

Современный мейнстрим-кинематограф осуществляет демонизацию науки и самих ученых, представленных в лучших традициях ломброзианства. В 1860-е годы Ч. Ломброзо фактически поставил знак тождества между гениями и сумасшедшими, а впоследствии приписал к ним преступников. Последующее